

ВЕЧЕРУ РАЗГУЛЯЛАСЬ метель, и дорогу так передумало, что пришлось почевать на лесном хуторе. Знакомый тракторист накормил нас зайчатиной, а потом пригласил на «посиделки» к соседям, у которых стоял большой новый телевизор.

Пела Людмила Зыкина, заслуженная артистка РСФСР. Приподняв слегка голову и как бы зорко всматриваясь вдаль, она пела «Ивушка», «Степь», «Вьюга, вьюга», «Течет Волга», «Лен», «Оренбургский пуховый платок», «Растет в Волгограде березка», «Рязанские мадонны»...

Это были довольно известные песни, не один раз уже слышанные, но удивительная тем не менее стояла в избе тишина. Я сидел сбоку, у окна, и видел, как лица хуторян, синеватые от экранного света, преображались: то тихая грусть влажной теплотой наполняла их глаза, то лучавство и радость трогали губы. И ведь держалась-то Зыкина просто, не делала, как некоторые певицы, разных там эффектных движений и поворотов, а вот поди ж ты, трогала и волновала душу, звала и вводила куда-то, словно давно уже знала и колюча Митрича, вернувшегося с войны с деревянной ногой, и хозяйку дома, которая еще в сорок третьем отдала последний мешок картошки, чтобы увеличить для памяти единственную крохотную карточку мужа, и молодую доярку Анюту, в нашего знакомого тракториста Ивана, заядлого охотника, гармониста и балагура...

Пела Зыкина, и перед нами вставала Волга с яркими закатами, березняки по косогорам, зыбкие волны спелых хлебов, поля и дороги. Пела она, окруженная баянистами, и в избе свежо пахло снегом, цветущими льнами, слышался звон колокольчика, смех девушек и вздохи парней, гудки пароходов на широкой реке...

Когда концерт кончился, все долго сидели молча. Только хозяйка, вздыхая, принялась убирать со стола да Анюта, отыскивая в темных сенях щеколду, напевала вполголоса, подражая Зыкиной:

Что было, то было,
И нет ничего.
Люблю, как любила,
Его одного...

Пора уже было спать, но мы, расположившись у Ивана, говорили о зыкинской песне. За стеной лютно завывала метель, скрипела в палисаднике старая липа, а в наших сердцах

еще жило то приподнято-блаженное состояние, какое всегда бывает при встрече с настоящим искусством. Такое состояние иногда держится днями, и сладкая боль его, словно бодрящий напиток, дарит тебя вдохновением, радостью и силой. Ходишь ли ты по улицам, едешь ли в поезде и, сам того не замечая, начинаешь вдруг напевать мысленно знакомый мотив, думаешь о чем-то хорошем, хочешь тебе сделать доброе людям, сказать им, что жизнь прекрасна и нет этой жизни конца. Ты

Людмила ЗЫКИНА

благодарен певице за то, что она сумела вдохнуть в тебя эту радость, заразила своим волнением, отдала частичку своей горячей души, заставила задуматься и оглядеться вокруг. Ведь любые самые умные слова, пропетые равнодушно, не согреты сердцем, не тронут, не взволнуют, не позовут. Значит, каждая пес-

ня — это огромный труд, переживания, поиски...

ДНАЖДЫ В РИГЕ мы с поэтом Виктором Боковым зашли за кулисы театра. Должна была выступать с обновленной программой Людмила Георгиевна Зыкина. Эта программа, наполовину «боковская», то есть состоящая из песен на стихи Виктора Бокова, пользовалась в Латвии шумным успехом, трудно было достать билеты. Людмила Георгиевна была в Риге уже больше недели, порядком, что называется, «обкатала» свою программу, и, когда Боков наметил мне о каком-то ее волнении, я, видевший Зыкину на концертах спокойной, несколько удивился.

— Это только так кажется, что спокойна, — сказал Виктор Федорович. — Талантливый певец — это не пластинка, не магнитофонная лента. Сто раз будет петь, скажем, тот же «Лен» и сто раз заново волноваться. И не просто волноваться перед концертом. Это само собой. А каждый раз переключаться, отдавать людям частичку себя, потому что душевный настрой механически не запомнишь, не передашь. Зыкина никогда не повторяется. Она всегда свежа и нова в своих песнях. Да, кстати, где же она? До начала полчасика каких-то осталось...

Людмилу Георгиевну мы нашли в коридоре. Потирая руки, уже одетая в длинное белое платье, она медленно ходила вдоль стены, и темно-карие глаза ее были задумчивы и, как мне показалось, грустны. Она отвечала на наши вопросы, шутила, а грусть эта, вернее душевная работа, творческое внутреннее горение, свойственные всем художникам, не гасли, не проходили.

Но вот дали последний звонок, послышалось вкрадчивое: «Вам пора», и Зыкина, расправив плечи, как бы сразу застыв, тихо и важно — само спокойствие — зашагала на сцену.

Мы быстро спустились по боковой лестнице и сели в первом ряду. Баянисты Анатолий Шалаев и Николай Крылов выводили мелодию, разыгрывались, а Зыкина посматривала в переполненный зал и словно искала там защиты, жаловалась людям, что не перепеть, не заглушить ей эти мощные баяны. Но когда она, наконец, запела, и баяны, и ее песня слились сначала в одну ноту. А потом, через какую-то паузу, властвовало уже одно — очарование зыкинского голоса.

Я его вечера-ами-и вя-за-а-ла-а-а
Для тебя, моя добрая мать...

Соседи мои — пожилые люди. Старик со

старухой. Слушая, они иногда переглядываются, кивают друг другу головой, выражая, видимо, таким образом радость. Потом я вижу, как старик взял руку своей спутницы и гладил ее, никого не замечая.

И тебя, моя ма-ма-а, согрет
Оренбургский пух-о-вый плато-о-ок...

Эти же песни, старинные и современные, пела Людмила Зыкина и в Америке, в Австралии, в Новой Зеландии, Японии, Франции, и везде ее понимали, чувствовали дыхание России, всей Советской страны. Своим проникновенным талантом она показывает красоту и благородство наших людей, особенно русской женщины, ее нежность, величие, гуманное мужество и любовь. На сцене, перед публикой, она сама становится той героиней, о которой поет, и это увеличивает силу воздействия ее песен.

Не так давно в Австралии, где Людмила Георгиевна выступала в разных городах, после одного из концертов к ней подошел высокий худой человек. На щеках его были слезы. Он снял шляпу и, припав на колено, сказал:

— Я русский, сударыня, и благодарю вас, что вы мне еще раз напомнили об этом. Я горжусь вашей Родиной, хотя никогда и не видел ее. Я увидел ее благородство сегодня, слушая ваши песни...

Японцы встречали Зыкину у гостиниц, приветствовали, просили автографы. А однажды, когда она была в Японии, в номере раздался звонок. «Людмилу-сан», сообщила тонкий телефонистка, вызвала Канада, семья одного мистера поздравляла королеву русской песни с днем рождения...

ОКОРЯЮЩУЮ СИЛУ ПЕСНИ Людмила Георгиевна узнала от своей бабушки Василисы. Бабу за добрый характер величали ласково: Васюта. Была она родом из-под Рязани, носила широкий сарафан, и водилось за ней, по мнению маленькой Людмилы, одно чудачество: любила петь. Все бывало напевет, то жалобно, то весело, с улыбочкой, с жестами.

А когда умер дед и бабка Васюта вместо того, чтобы плакать у его гроба, поставленного посреди комнаты, вдруг скорбно и протяжно запела. Люда не выдержала и дернула бабу за сарафан:

— Как тебе не стыдно, бабуня!
Потом уже, когда деда зарыли в могиле, Васюта посадила внучку на колени и сказала:

— Песней, лапушка, любую тоску-печаль перескажешь, любой радости нарадуешься. Вот послушай-ка...

И она запела, подперев щеку ладонью. Уж очень чисто и как-то доверительно у ней выходило. Все было ясно из ее песен.

И мать Людмилы, Екатерина Васильевна, тоже любила петь. Выйдут они с бабушкой на крыльцо, как затянут, и вскоре, смотришь, целый хор соберется. Сидят, распевают, а перед домом березки шепчутся, пчелы гудят в диком клевере. Жили тогда Зыкины на окраине Москвы, в Старых Черемушках. Это была деревня, совхоз.

Много песен переняла Людмила от бабушки Васюты. Про чистое поле и про дороженьку, про милого и про судьбину горькую. Она их пела украдкой, когда ей было весело и когда грустно.

А тяжелого да печального в ту пору уже хватало. Началась война. Отец Людмилы, простой рабочий, ушел на фронт. Остались они вдвоем с матерью. Писем ждали, слушали радио, стояли в очередях. По ночам над Москвой вспыхивали прожектора, где-то страшно бухало, горело, и Людмила, проснувшись, бежала в такие минуты к соседям. Мать ее работала санитаркой в больнице, дежурила там сутками, и жутко было Людмиле одной в маленьком деревянном доме.

Потом она, не сказав матери, пошла наниматься на станкозавод имени Орджоникидзе. Вначале ей наотрез отказали: уж очень мала, ребенок ребенком. Но затем взяли все-таки учеником токаря.

Взяли и не пожалели: смысленная оказалась девчонка, выносливая, боевая. И в школе рабочей молодежи успевала учиться, и станок быстро освоила.

— Быть тебе, дочка, инженером, — сказал мастер Людмиле, когда она успешно сдала на очередной разряд и обучила токарному делу пятерых мальчишек. — Талант у тебя к этому явный...

Инженером так инженером, какая разница. Все тогда Людмиле Зыкиной нравилось. Но больше всего любила она все-таки песню. При больнице, где ее мать работала, был неплохой коллектив художественной самодеятельности. Вот там она и попробовала свои силы, зачастила к ним. Руководитель радовался, заставлял Зыкину не только петь, что она хотела, но и четчетку отбивать, цыганочку, танец с шальми исполнять.

Выступала она и в клубе совхоза, перед ранеными в госпиталях. Аккомпанировала себе на гитаре и пела военные частушки, романсы и те песни, которым у бабушки Васюты выучи-